

А

С 95

II V

313018

Майя Сырова

Узбекистон,
Тошкент

А кат. 313018
С95 Сорова и. А.

Извините, поща-
дивета! 40к.

15.09.14 Максимович

II 313018

190
nos

ПРЗ

Д
С 95

Майя Сырова

Извините, пожалуйста!

Рассказы

Рисунки Я. ЯКИМА

ТЮМЕНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1959

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Извините, пожалуйста!	3
Чёлочка	9
Где у доски третий край?	21

ки - 313018

Сырова Майя Алексеевна

ИЗВИНИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА!

Редактор *Д. И. Шейнберг*. Тех. редактор *Л. Т. Овечкин*. Корректор *Л. П. Иванова*.
Подписано к печати 14/III-59 г. Формат бум. 70x92¹/₁₆. 1,755 печ. листа.
1,18 уч.-изд. листа. Тираж 75000 экз. Заказ № 1320.
Типография № 1, Тюмень, Первомайская, 11.

ИЗВИНИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА!

В старшей группе было рисование.

Толя сидел рядом с Лидой и рисовал лошадь. Лошадь была почти готова. Оставалось только закруглить последнее копыто, как вдруг Лида повернулась на стуле и задела Толин локоть.

Карандаш съехал с места, и у лошади вместо копыта получилась петушиная лапа.

— Ты чего мне копыто испортила?— рассердился Толя и тоже толкнул Лиду, да так, что она упала со стула и заплакала.

— Толя, ты должен извиниться перед Лидой,— сказала воспитательница Валентина Сергеевна.— Стань против Лиды, посмотри ей в глаза и скажи: «Лида, извини, пожалуйста».

Толя нехотя поднялся, стал против Лиды, но глаза у него почему-то никак не поднимались, а поднимались только брови.

С языком тоже случилось что-то неладное. Толя уже три раза набирал в себя воздух, чтобы сказать «извини, пожалуйста», но слова никак не хотели выговариваться. Получалось одно пыхтенье.

Долго ждала Валентина Сергеевна. У Лиды от ожидания даже слёзы высохли, а Толя всё молчал и молчал.

Тогда Валентина Сергеевна сказала:

— Значит, Толя у нас умеет только толкаться, а извиняться ещё не научился. Придётся ему научиться.

«Ага! — подумал Толя. — Дома я буду почаще говорить это слово и научусь извиняться».

В тот день он удивил всех домашних.

Сначала подошёл к бабушке.

— Бабушка, извини, пожалуйста.

— Вот те на! — удивилась бабушка. — А что ты мне сделал плохого?

— Ничего. Я просто так.

Бабушка засмеялась:

— Кто же извиняется «просто так»? Если бы напроказил чего-нибудь: чашку разбил, например, или квашню опрокинул — другое дело.

— А-а-а... Ну, извини, что я, может, когда-нибудь чашку разобью или напроказничаю чего-нибудь. Ведь я когда-нибудь, наверно, разобью чашку, как ты думаешь, бабушка?

— Наверное, разобьёшь, — вздохнула бабушка.

— Ну вот! — обрадовался Толя и побежал во двор посмотреть, перед кем бы ещё извиниться. Но во дворе никого не было, один Шарик.

Толя подошёл к собачьей будке и сказал:

— Шарик, извини, пожалуйста, что я без стука к тебе заглянул...

— Гав, гав,— ответил Шарик и завилял хвостом.

— Ты меня извини, Шарик, но я хочу спросить, почему вы, собаки, мотаете хвостом, когда радуетесь, а кошки мотают, когда сердятся?

Вместо ответа Шарик вышел из будки и лёг на спину, чтобы Толя пощекотал ему живот.

— Некогда мне играть с тобой. Я новое слово изучаю,— сказал Толя и вдруг увидел своего старшего брата Валерика.

— Валера!— закричал Толик.— Извини, пожалуйста, ты идёшь домой, да?

— Да.

— Ты будешь уроки делать, извини, пожалуйста?

— Что за разговор у тебя попугайский? — спросил Валерик, поднимаясь по лестнице.

Он вошёл в комнату, сел за письменный стол, раскрыл тетрадку и начал что-то писать.

— Ничего не попугайский,— сказал Толик.— Я новое слово изучаю. Валера, а почему собака виляет хвостом, когда...

— Отстанешь ты от меня?— рассердился Валерик.— У меня задачка не решается, а он привязался с собачьими хвостами...

Тогда Толик решил, что необязательно новое слово учить перед кем-нибудь, а можно просто повторять его, как стихотворение или песенку.

Он вышел из квартиры и стал бегать по коридору вприпрыжку, распевая на все лады: «извините, пожалуйста, я больше не буду», «пожалуйста, извините, не буду больше», «не буду больше, извините, пожалуйста»...

Потом из коридора он выпрыгнул на площадку лестницы, продолжая напевать:

— Извините, пожалуйста, извините, пожа...

И вдруг — бряк! Растянулся во весь рост, споткнув-

шись обо что-то. Ему стало больно, и он рассердился: опять эти соседские девчонки Светка и Зинка устроили под дверью гараж.

— Вы что, в комнате не можете играть? — закричал на них Толя, растирая разбитую коленку.

— В комнате гаражов не делают, — ответила Зинка.

— Гаражов! — передразнил её Толик. — Убирайте отсюда свои деревяшки, а то я их так зафутболю, что не найдёте потом!

— Футболист какой нашёлся! — отозвалась Света. — Футболисты, когда бегут, не кричат «извините, пожалуйста», а смотрят, куда бегут. А ты прыгаешь, как козёл.

— А-а-а... так? — рассвирепел Толик. — Ну, если я козёл, вот вам!

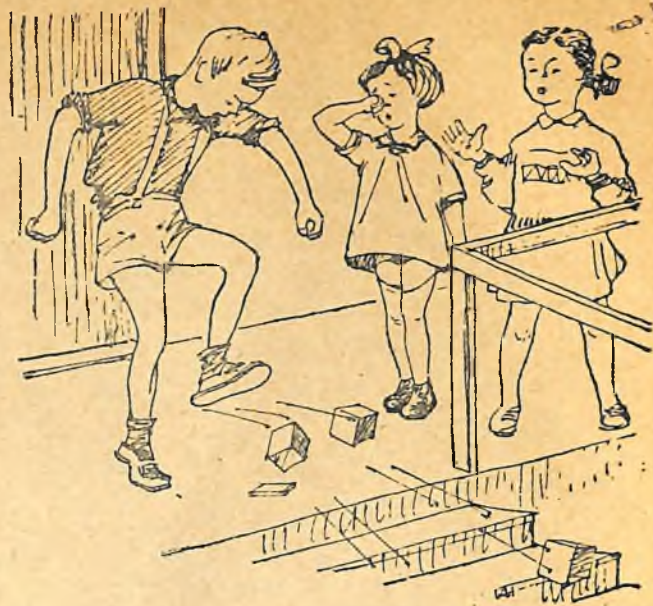
И он вправду «зафутболил» все кубики так, что они застукали вниз по ступенькам. Вслед за кубиками полетела и заведующая гаражом — Светкина кукла.

Девчонки заревели.

В это время в пролёте лестницы показался человек.

— Папа! — испугался Толик и хотел убежать. Но было уже поздно. Папа стоял на нижней площадке.

— Твоя работа? — спросил он, показывая на куклу, которая лежала книзу носом с раскинутыми руками.

— Его, его! — в один голос закричали девчонки.

— Ну-ка, подбери игрушки! — приказал папа.

Толик нехотя спустился на нижнюю площадку, подобрал кубики и куклу и принёс на прежнее место.

— А теперь, — сказал папа, — объясняй, за что ты девочек обидел.

— Я их сперва не трогал... — протянул Толик, чуть не плача. — Я бегал и учился извиняться, а они...

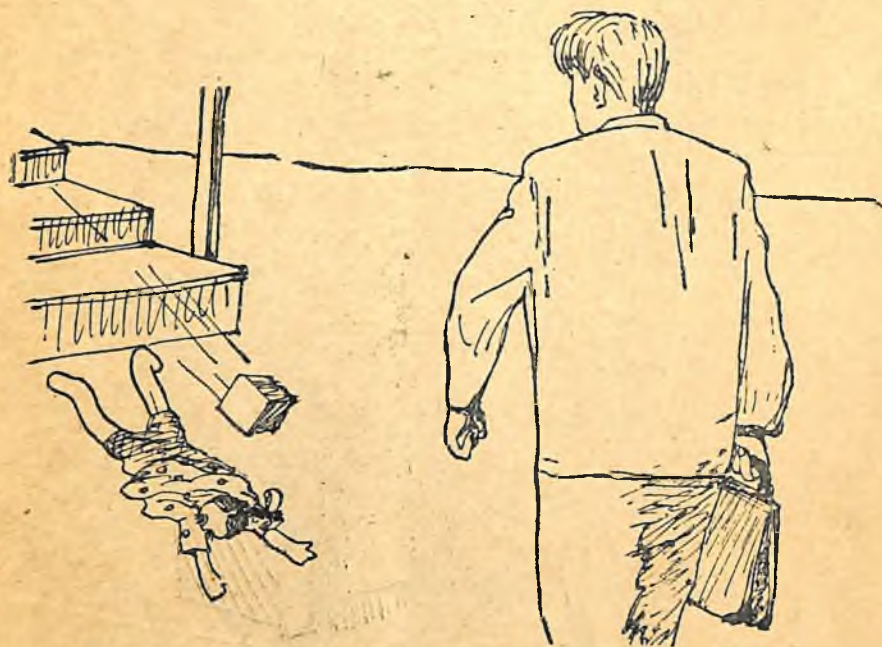
— Учился извиняться? — переспросил папа удивлённо. — Ну и как? Выучился?

— Ага! — оживился Толик. — Хочешь, скажу?

— Что ж, это очень кстати. Скажи, только не мне, а им, Свете и Зине.

— Не буду я им... — Толик обиженно опустил голову и замолчал.

— Ну, значит, ты ещё и врунишка, — сказал папа. — Говорил, что умеешь просить прощение, а сам ни гу-гу.

И он, насмешливо глянув на Толю, пошёл к дверям. Толик — за ним.

— Пап, я не обманываю. Я правда научился извиняться.

Он ходил за отцом по пятам. Отец к умывальнику — и он туда же, отец за стол — и он туда же, отец на диван — и он за ним.

— Не врунишка я вовсе, — убеждал Толик папу. — Спроси хоть у бабушки, у Валеры спроси...

— Правда, правда, — сказала бабушка. — Он нас целый день этими словами донимал: «извините, пожалуйста» да «извините, пожалуйста».

— Но я ведь сам видел, что извиняться он не умеет, — сказал папа.

Толик вздохнул, посмотрел на дверь, за которой играли девочки, и спросил:

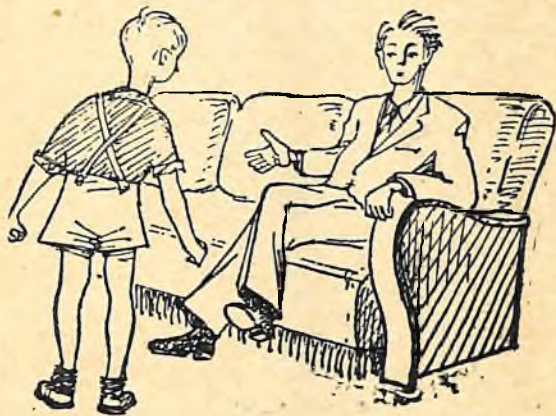
— А если я сейчас извинюсь перед Зинкой и Светкой, ты согласишься, что я научился?

— Поверю, да только наполовину.

— Почему наполовину? Не понимаю... — всхлипнул Толик.

Папа заглянул Толику в глаза, вытер ему слёзы и сказал:

— Потому что надо научиться не только извиняться, но и жить так, чтобы не надо было извиняться.

ЧЁЛОЧКА

В воскресенье мама сказала:

— Сегодня идём в цирк.

Мальчики завизжали от радости, запрыгали вокруг мамы, но она провела ладонью по их головам, недовольно поморщилась:

— Лохматых с собой не возьму. Марш в парикмахерскую!

Мальчики бросились было к двери, но мама остановила их:

— Не все сразу. Я тоже уйду, а на плите суп варится. Идите в парикмахерскую по одному, чтобы было кому дома оставаться.

И, уже стоя на пороге с сумочкой в руке, спросила:

— А как кому стричься, не забыли?

— Не забыли! Помним! — закричали старшие мальчики — Женя и Вася, а младший, Вова, только проямлил

что-то себе под нос, хотя отлично знал, что стричься ему положено под машинку.

Но это было обидно. Из всей семьи он один должен ходить с голой головой. А почему? Потому что младше всех. А ещё он любит возиться в песке, и мама говорит, что если ему оставить на голове такую же чёлочку, как у Жени и Васи, то за день в неё набьётся много песка. Но Вове всё равно обидно. Не такой уж он маленький — всего на год младше Васи, и ростом они одинаковые. Но разве маму уговоришь?

— Ну, ладно, — сказала она, — дядя Федя сам знает, как стричь, а я побегу, а то достанутся плохие билеты.

Дядя Федя был парикмахер. Он всегда стриг её сыновей. Он хорошо знал мальчиков: кто из них когда пошёл в школу, кто кем собирается быть и у кого какая голова должна быть после стрижки.

По дороге в цирк мама зашла в парикмахерскую, заплатила за три стрижки и заглянула в мужской зал, чтобы отдать дяде Феде чеки, но дяди Феде там почему-то сегодня не оказалось.

На его месте какой-то незнакомый молодой человек в белом халате водил бритвой вверх и вниз по ремню, что висел на гвозде, и напевал потихоньку песенку без слов.

Мама подошла к молодому человеку.

— Скажите, пожалуйста, Фёдор Степанович скоро будет?

— Через месяц, — ответил молодой человек, продолжая возиться со своими бритвами.

Мама удивилась, тогда молодой человек объяснил:

— Фёдор Степанович ушёл в отпуск, а если у вас к нему что-нибудь служебное, обратитесь ко мне, я его замещаю.

Мама рассказала молодому человеку, что у неё три сына, вот-вот они придут сюда, но, если увидят, что дяди Феди нет, уйдут домой нестриженные. А ждать их у неё нет времени. Не посоветует ли ей товарищ парикмахер, как быть? -

— Гм...— сказал парикмахер,— а как звать ваших сыновей?

— Фамилия их Ивановы. Младшего звать Вовой — его нужно остричь под машинку, а старшим, Жене и Васе, оставить чёлочки на лбу.— И мама протянула парикмахеру чеки.

— Ладно, будет сделано.— Молодой человек записал что-то у себя в блокноте, потом улыбнулся и прочёл вслух как стихотворение:

Женю — с чёлкой,

Васю — с чёлкой,

Вову — под машинку.

— А складно получается!

Мама тоже засмеялась, а молодой человек даже после её ухода всё ещё продолжал бормотать про себя это стихотворение. Потом стал потихоньку напевать его, словно обрадовался, что у песенки без слов появились наконец слова.

Даже когда в кресло сел бриться какой-то дяденька, парикмахер продолжал мурлыкать, взбивая помазком мыльную пену:

Женю — с чёлкой,

Васю — с чёлкой,

Вову — под машинку.

Но вот в парикмахерскую вошёл Женя. Он поискал глазами дядю Федю и хотел было повернуть назад, но незнакомый парикмахер сделал ему знак рукой: мол, подойди поближе.

Женя подошёл.

— Ваша фамилия Иванов? — прошептал парикмахер в Женино ухо, как будто это была ужасная тайна.

— Да,— удивился Женя.

— Я так и знал! А зовут вас Женей.

— Да,— тоже почему-то шёпотом ответил Женя.

— Видишь, какой я волшебник! — засмеялся молодой человек и заглянул в блокнот, что лежал на столе.

Женя тоже засмеялся. Теперь он понял, в чём дело. Ясно, что тут побывала мама и всё рассказала парикмахеру.

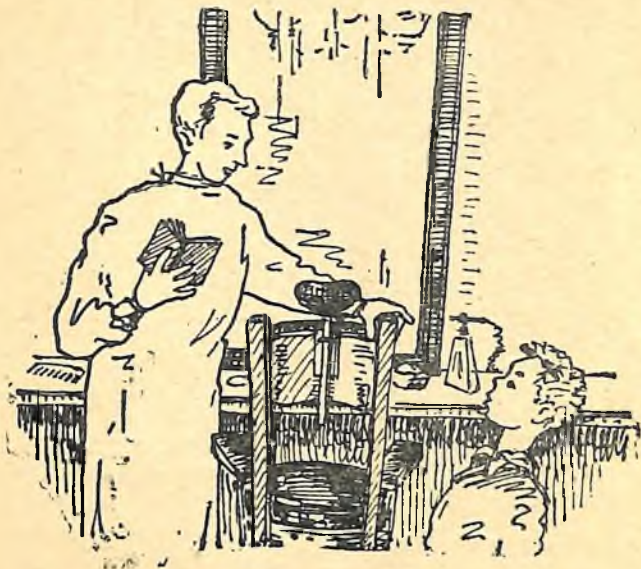
— Волшебник, а в блокнот заглядываете!

Парикмахер развёл руками:

— Ну, брат, бывает и у волшебника плохая память.

— Нет, не бывает,— ответил Женя, усаживаясь в кресло. Он прочитал много сказок, но ни в одной не было про волшебника, который свои чудеса записывал бы в блокнот из-за плохой памяти.

Вскоре стрижка кончилась. Жене жаль было расставаться с весёлым молодым человеком, но к креслу подошёл какой-то небритый, хмурый гражданин. Пришлось тихонько попрощаться и уйти.

В дверях парикмахерской он столкнулся с Вовой. Он рассказал Воле про нового парикмахера и велел перед тем, как стричься, назвать свою фамилию.

Вова вошёл в мужской зал и подождал, пока освободится кресло. А когда оно освободилось, Вова сел и сказал:

— Здравствуйте, я Иванов.

— А, ещё один Иванов,— обрадовался парикмахер и, подмигнув Воле, пропел свою песенку:

Женю — с чёлкой,

Васю — с чёлкой,

Воле — под машинку.

— Вы, наверное, будете Вася? — спросил он вежливо.

Тут с Вовой случилось что-то странное. Видно, его голову так сильно хотелось носить чёлочку, что Вова, вместо того, чтобы покачать ею слева направо, покачал сверху вниз, а вместо того, чтобы сказать «нет», сказал «ага».

Парикмахер взял в руки гребёнку, ножницы и защёлкал над Вовой головой.

Через минуту в зеркале отразилась ровная блестящая чёрная чёлочка. И хотя она была совсем маленькая, заметная, может, одному Воле да парикмахеру, всё же это была чёлочка, с ней он очень походил на школьника и, может быть, даже на футболиста.

Воле, может, ещё больше, чем Жене, понравился новый парикмахер, но он не старался подольше посидеть с ним, а наоборот, как только дело было сделано, поскорей удрал из парикмахерской.

Он шёл по улице, смотрел на себя в витрины магазинов, и ему казалось, что витрины удивительно похорошели после того, как в них отразилась его чёлочка.

Но вдруг Вова чего-то испугался и поспешно прикрыл лоб руками: в одной из витрин он увидел, как по другой стороне улицы шагает Вася.

— Ты чего за голову схватился? — крикнул Вася через улицу.

— Солнце при... припекает,— ответил Вова и ускорил шаги, потому что никакого солнца не было видно.

Вася посмотрел на небо, потом пожал плечами и пошёл дальше. «Вечно этот Вовка что-нибудь выдумает!» — подумал он.

Через минуту Вася уже сидел в парикмахерской и, как учил его Женя, называл молодому человеку свою фамилию.

— Рад познакомиться, — сказал парикмахер и взял в руки машинку. — Вы, конечно, будете Вова?

— Я не Вова! — воскликнул Вася и отшатнулся от машинки.

— А кто же? — удивился молодой человек.

— Вася.

— Не может быть.

— Как не может? — обиделся Вася. — Почему не может?

— Потому что не бывает, чтобы двух родных братьев звали одинаково. Вдруг один Вася напраказничает, а

достанется другому Васе. Или один Вася получит письмо, а прочтает его другой Вася.

— У нас один Вася, и никто нас не пугает! — перебил парикмахера Вася.

— Не понимаю, — пробормотал расстроенный молодой человек. — Только что у меня стригся Вася, и опять Вася.

— Это Вовка у вас стригся! — закричал Вася. — Это он Вовка, а я Вася, а не он Вася, а я Вовка!

— Постой, постой,— сказал устало молодой человек.— Давай так. Ты беги домой и приведи сюда Ва... нет, Во...— ну, словом, того, который только что стригся. На месте и разберёмся, а то я совсем запутался.

Вася, нестриженный и сердитый, вскочил с кресла и помчался домой. Как только он вбежал в квартиру, он увидел Вовку. Тот с хитрой улыбкой причёсывался перед зеркалом.

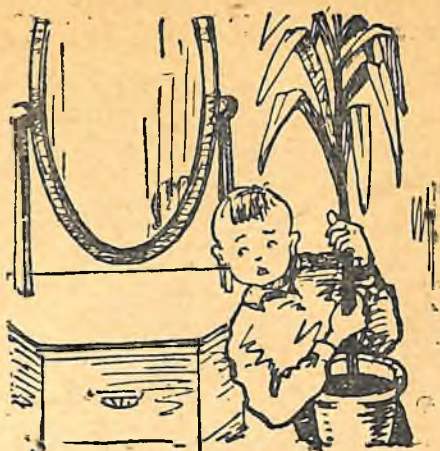
Вовка тоже увидел Васю, бросил расчёску и шмыгнул в угол, который назывался запретным или ничейным.

Ничейным углом было пространство между большим зеркалом и любимым маминым цветком — пальмой. И цветок и зеркало были очень дорогие для мамы вещи, и она строго-настрого запрещала мальчикам шалить возле этих вещей. Сначала мальчикам не нравилось, что в комнате есть

место, где нельзя свободно побороться или поскакать, затем они привыкли, а потом даже стали извлекать пользу из этого маминого запрета.

Чем плохо! Например, во время игры в догонялки, как почувствуешь, что тебя вот-вот поймают, — шмыгни в этот угол, и тебя уже никто оттуда не вытащит, потому что здесь нужно сидеть смиренно и помещается только один человек.

Вот в этот запретный угол и забрался Вова, когда увидел Васино сердитое лицо.

Вася подошёл поближе и приказал:

— А ну, вылезай!

— Зачем?— прошептал Вова.

— Нужно, значит!

— Если тебе нужно, ты и вылезай,— ответил Вова и на всякий случай обнял рукой пальму.

— Что там у вас случилось? — донёсся из кухни Женин голос, а вскоре и сам Женя появился в комнате.

— Вот, полюбуйся.— Вася ткнул пальцем в сторону Вовы.— Присвоил себе чужое имя да чужую чёлку и стоит прифуфыривается! Обманщик!

— Я не обманывал, а только сказал «ага».

— Я тебе покажу «ага»! Я тебе покажу, как солнышко припекает. Идём сейчас же к парикмахеру!—Вася попытался схватить Вову за руку, но Вова ещё крепче обнял пальму, а другой рукой на всякий случай ухватился за зеркало.

— Оставь его,— сказал Женя с презрением.— Ему и так влетит от мамы. Ты, Вася, хоть нестриженный, а пойдёшь в цирк, а он со своим чубчиком дома останется.

— Правильно, правильно!— обрадовался Вася и запрыгал по комнате.— Мы будем дрессированных тигров смотреть, а он дома на кота любоваться.

После этих слов Женя с Васей совсем перестали заниматься Вовой и даже ушли в другую комнату. Вова остался один.

Сначала он был рад, что братья оставили его в покое, но потом ему стало не по себе. А что, если в самом деле его не возьмут в цирк? И всё из-за какой-то глупой чёлки, которая и на чёлку-то не похожа. Так, зубная щётка какая-то! Давно ли она на голове, а сколько неприятностей из-за неё!

Вдруг из всего, что лежало перед зеркалом, Вовино внимание привлекли маленькие мамины ножницы. Вова быстро вылез из своего угла, схватил ножницы и встал перед зеркалом.

Потом он зашипнул двумя пальцами маленький клочок волос и... раз! На том месте, где был клоч, остались две разноцветные полоски, светлая и тёмная. Потом он отхватил

ножницами второй клочок, потом третий... Минут через пять от чёлки остались одни полосы — продольные и поперечные, такие кривые и некрасивые, что захотелось убежать подальше от зеркала.

Но Вова далеко не убежал. Он уселся на прежнее место и стал ждать маму.

Мама пришла весёлая, румяная, с четырьмя билетами в сумочке.

Ещё в передней она увидела неподстриженного Васю и почувствовала что-то неладное.

— Как! — воскликнула она. — Вы ещё не готовы?

Тогда Вася взял маму за руку и повёл её в комнату, где сидел Вова.

Увидев полосатого Вову, мама широко раскрыла глаза, и румянец сразу сошёл с её щёк. Она со стоном опустилась на стул.

Тогда Женя стал рассказывать маме по порядку всё как было, а мама только печально кивала головой и молча переводила взгляд с Вовиной полосатой головы на Васину лохматую.

— Горе вы моё! — сказала она наконец. — Но откуда же у тебя такое на голове?

— Я перестригался, — заплакал Вова.

— Мы его решили в цирк не брать, — сказал Вася, и Вова заревел ещё пуще.

Потом он встал, подошёл к маме, уткнулся ей носом в колени и что-то стал говорить. Наверное, он говорил, что больше не будет обманывать, но сквозь мамин подол слышно было только:

— Не бу-бу-бу-бу-бу...

Женя с Васей слушали, слушали, смеялись, смеялись, потом почему-то перестали.

— Мама, может, он и вправду не будет? — сказал Женя. А Вася добавил:

— Мама, давай возьмём его в цирк. Только как мы такого полосатого возьмём в цирк? Все тигры разбегутся.

Мама вздохнула. Потом рассердилась:

— Как я могу разрешить, если он парикмахера обманул. Пусть парикмахер решает, идти ему в цирк или нет.

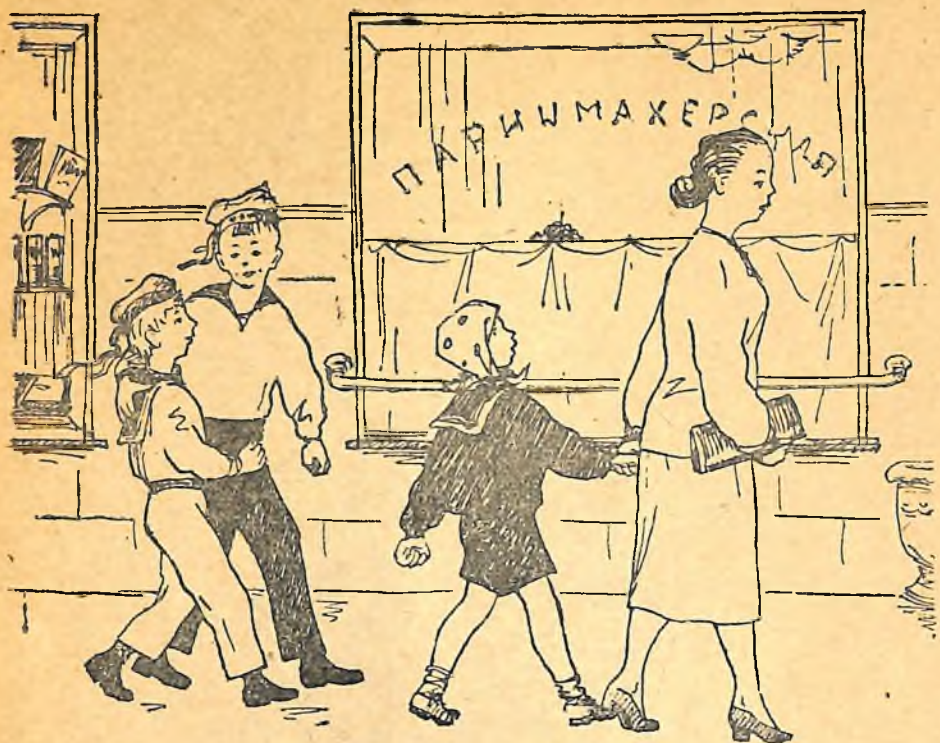
— А мы зайдём в парикмахерскую! — закричали мальчики. — Мы ещё успеем.

В маминых коленях опять что-то забубукало:

— Не бу-бу-бу-у-у...

— Что это за бубу? — ещё больше рассердилась мама. — Сейчас же одевайся и идём! Из-за тебя Вася до сих пор нестриженный ходит.

Вову одели в матросскую куртку, такую же, как у Васи и Жени, повязали на голову мамин платок, чтоб не стыдно было по улице идти, и всей семьёй отправились перестригаться.

Когда вошли в мужской зал и увидели знакомого молодого человека, Вова чуть было не удрал из парикмахерской, но сзади его подтолкнули мамины руки, и он пошёл туда, к парикмахеру.

Возле кресла он остановился и, глядя парикмахеру в верхнюю пуговицу белого халата, сказал, указывая пальцем на Васю:

— Это он Вася, а не я. Это я обманывал, а не он.

— Он больше не будет обманывать,— объяснил Вася.— Вы ему разрешите на дрессированных тигров пойти?

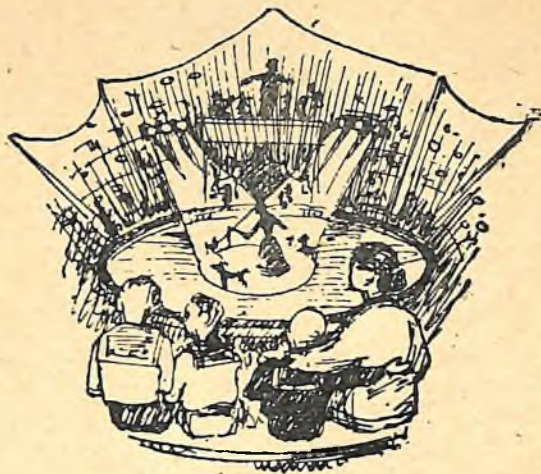
Вова перебил Васю:

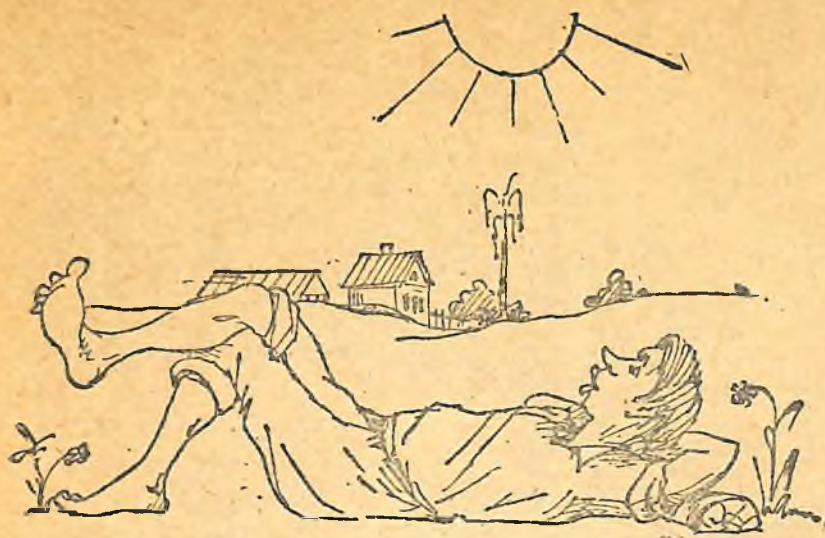
— Перестригите меня, пожалуйста. Я хотел сам, да у меня криво получилось.

Молодой человек засмеялся, потом снял с Вовы пла-ток, ахнул и взялся за машинку.

— Ну, то-то, друг,— сказал он.— Кто обманывает, у того всегда всё криво получается.

И он весело защёлкал машинкой.

ГДЕ У ДОСКИ ТРЕТИЙ КРАЙ?

Ш у т к а

Было у отца с матерью три сына — Иван, Степан да Федоска. Иван — работающий, Степан — работающий, а Федоска так себе — лодырь настоящий.

Однажды отец говорит:

— Жаль мне нашу Бурёнушку. Крыша над ней протекает. Пойдут осенью дожди, отсыреют в сарае брёвнышки, захворает наша Бурёнушка. А в доме полно мужчин: вас трое да я один. Я один да вас трое. Давайте-ка возьмёмся да крышу и перекроем. Эй, Иван, Степан да Федоска, я на крышу полезу, а вы подносите мне новые сосновые доски.

Побежали Иван, Степан да Федоска к тому месту, где лежали новые сосновые доски. Облюбовали самую хоро-

шую. За один край взялся Иван, за другой Степан — и пошла работа. Иван да Степан доски таскают, а Федоска стоит себе, ногами травку приминает.

Отец ему с крыши:

— Эй, Федоска, ты что один стоишь, как во поле берёзка? Почему не работаешь?

— А потому, — Федоска отвечает, — что у каждой доски только два края. За один берётся Иван, за другой Степан, а мне ухватиться не за что.

— А ты поищи, — усмехается отец. — Может, и для тебя у доски найдётся конец?

— Нет, — Федоска отвечает, — нету у доски третьего края.

— Нет, так нет, — говорит отец и продолжает работу. Наступил полдень.

Слез отец с крыши и говорит:

— Эй, Иван, Степан да Федоска, не пора ли нам обедать — стряпни, что мать наготовила, отведать?

— Пора, пора!— закричали ребята и побежали со двора в дом.

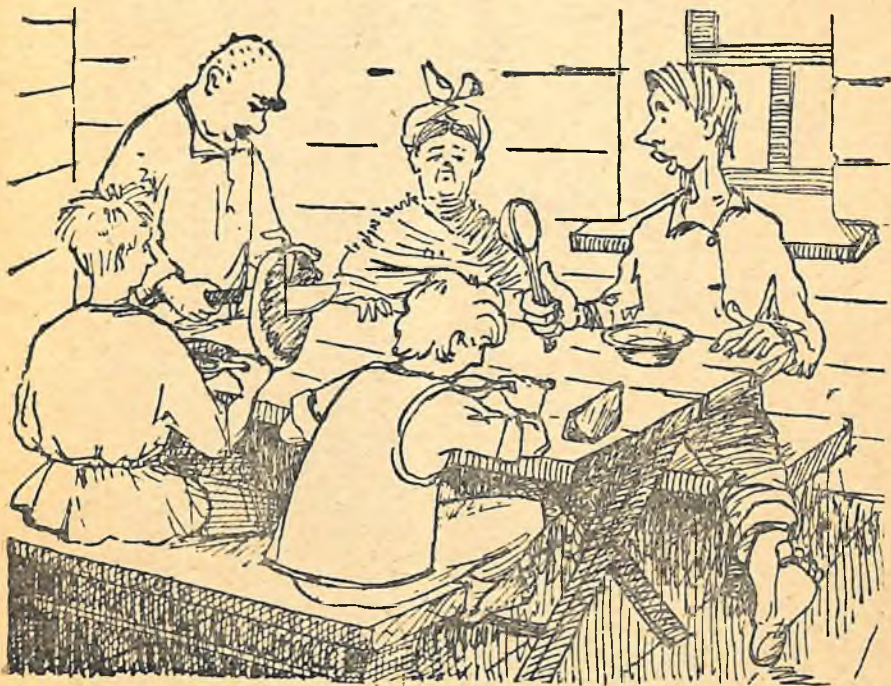
А мать уже на стол накрывает, достаёт из печи два свежих румяных каравая. Отец берёт нож, разрезает пополам первый каравай, удивляется:

— Смотрите-ка, история какая! Оказывается, у каравай — тоже два края. Один край мне, другой — моей жене. Потом разрезает второй каравай.

— Вот история какая! И у этого каравай два края. Один — моему сыну Ивану, другой — моему сыну Степану.

— А где же у каравай третий край? — заревел Федоска-лентяй.— Я тоже есть хочу.

— А наверно, твой край там, где у доски третий край. Сидит Федоска, глазами моргает, ши у него остывают,

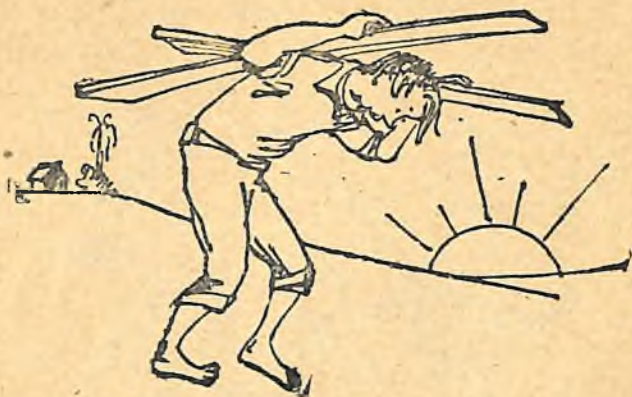
а есть их не с чем. Сидел, сидел, ревел, ревел, да не помогли Федоске горячие слёзки. Встал и вышел из дома.

Съел отец свои щи, выглянул на крыльцо. Видит, подбежал его сын Федоска к тому месту, где лежали новые сосновые доски, взвалил одну на плечо и тащит к сараю. Потом другую, потом третью...

— Ну, что, Федоска!— кричит ему отец,— нашёлся у доски третий конец?

— Нашёлся!— отвечает Федоска.

— Ну, то-то! Кто любит работу, тот всегда найдёт, за какой край ухватиться.

Цена 40 коп.